

Из архива русской мысли

DOI10.25991/VRHGA.2019.20.3.012

УДК 1(091)

*М. А. Маслин, А. И. Вакулинская**

МОЛОДОЙ И. А. ИЛЬИН О ФРЕЙДЕ И НЕ ТОЛЬКО (ПЕРЕПИСКА С Ю. Л. ВЕЙСБЕРГ)

В статье рассматривается и анализируется ранее неопубликованный фрагмент переписки русского философа И. А. Ильина с композитором Ю. Л. Вейсберг (Римской-Корсаковой), сохранившийся в архиве двоюродной сестры философа Л. Я. Гуревич, ныне хранящегося в РГАЛИ. В комментарии раскрываются природа и характер отношений, сложившихся между Вейсберг и Ильиным во время заграничной командировки последнего в Европу. Вводятся новые данные об обстоятельствах, связанных с презентацией трактата И. А. Ильина «О любезности». Поднимается вопрос о причинах, оказавших влияние на сложившуюся форму отношений И. А. Ильина со многими представителями русской интеллигенции конца XIX — начала XX вв. Материал, изложенный в статье, позволяет по-новому взглянуть на образ молодого И. А. Ильина, и дополнить сведения об увлеченности философа идеями З. Фрейда на момент 1911–1912 гг.

Ключевые слова: творчество, консерватизм, русская интеллигенция, З. Фрейд, эпистолярный жанр, композитор Ю. Л. Вейсберг (Римская-Корсакова).

M. A. Maslin, A. I. Vakulinskaya
THE YOUNG I. A. ILYIN ON FREUD AND NOT JUST
(correspondence with Yu.L. Veysberg)

The article sets out a review of a piece of correspondence between the Russian philosopher I. A. Ilyin and the composer Yu.L. Veysberg (Rimskaya-Korsakova) which has never been published before and which is being preserved in the archive of the cousin of the philosopher, L. Y. Gurevich, and is now being kept in RGALI (Russian State Archive of LI). The commentary unleashes the nature and the character of the relationships which have formed between

* Маслин Михаил Александрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Истории русской философии Философского факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; mmaslin@yandex.ru

Вакулинская Александра Ивановна, диссертант кафедры Истории русской философии Философского факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Veysberg and Ilyin during his European scientific trip. New data is introduced regarding the circumstances surrounding the presentation of I. A. Ilyin's work "On courtesy". A question is raised regarding the reasons that affected the relationships among I. A. Ilyin and a number of representatives of Russian intelligentsia in the period between the end of XIX — beginning of XX centuries. The article contains the material which facilitates a fresh view on the image of the young I. A. Ilyin and to add the information regarding the interest of the philosopher in the ideas of S. Freud in 1911–1912.

Keywords: art, conservatism, Russian intelligentsia, S. Freud, epistolary genre, composer Yu.L. Veysberg (Rimskaya-Korsakova).

Иван Александрович Ильин (1883–1954) — сегодня известный русский религиозный философ, публицист, критик. Биографии И. А. Ильина посвящен не один десяток работ, в той или иной степени полно охватывающих события личной и творческой жизни мыслителя. В современной литературе сформировался образ Ильина как достаточно замкнутого, неуживчивого и самодовольного человека, который был способен с легкостью высмеять своего собеседника [1; 4; 7; 10]. Однако, как представляется, данный стереотип, сложившийся в основном с подачи людей чуждых И. А. Ильину взглядов, ограничен и однобок. Такие черты характера, как вспыльчивость и горячность, действительно были вполне свойственны молодому Ильину, однако назвать его человеком замкнутым и «неуживчивым», избегающим общества, на наш взгляд, невозможно. Достаточно верно отметил М. Юнггрен в своей публикации «Иван Ильин и Андрей Белый в 1917 г.», что «в среде русской интеллигенции начала XX в. жизнь и искусство, политика и литература, личность и идеология были неотделимы» [28, с. 40]. В связи с чем, более правильным было бы охарактеризовать Ивана Александровича как страстного философа, стремящегося к подлинности философского знания, отстаивающего истину и отторгающего не только идеи, искажающие «путь к очевидности», но и личностей — носителей ложного знания (показательной в этом плане является одна из ранних статей И. А. Ильина «Философия как духовное делание» (1915), в рамках которой он, не называя имен, разделяет современных ему мыслителей на три группы: антропософы, тайноведы и последователи Когена, склонные к формализму).

Начиная с университетской скамьи Иван Александрович принимал активное участие в деятельности нескольких философско-религиозных кружков и обществ [3, с. 70; 5, с. 605–608; 13]. Однако, как верно замечают многие исследователи, отношения с «богоискателями» у Ильина не складывались. Как нам видится, виной всему была не неуживчивость или «упертость» молодого философа, а кардинальные ценностные расхождения его взглядов со взглядами некоторых представителей интеллигенции, прямое осуждение и неприятие этих идей. В подтверждение нашей гипотезы ниже приводится интересный фрагмент из письма композитора Ю. Л. Вейсберг к Л. Я. Гуревич (редактору, литературному критику, двоюродной сестре И. А. Ильина), раскрывающий малоизвестный для нас аспект личности И. А. Ильина.

Юлия Лазаревна Вейсберг (в замужестве Римская-Корсакова) — композитор, музыкальный критик, публицист, музыкально-общественный деятель, впоследствии жена А. Н. Римского-Корсакова (для Вейсберг это был третий брак), сына известного композитора. О жизни и творчестве Юлии Лазаревны

до определенного момента времени были достаточно скудные сведения, однако благодаря трудам М. М. Мазур сегодня мы имеем возможность полноценного знакомства с этой незаурядной и даровитой личностью [18]. Имя Вейсберг было забыто в советское время; хотя, в отличие от Ильина, композитор никогда не выступала открыто против власти и вообще была далека от политики. Как отмечает исследователь творчества композитора,

при жизни она была фигурой заметной и влиятельной, и для многих современников — авторитетной, особенно в 20-е годы, в «золотой век» советского авангарда, когда принимала деятельное участие в строительстве новой революционной культуры [18, с. 3].

Музыкальное образование Вейсберг получила в Петербургской консерватории, в которой проходила обучение в классе Н. А. Римского-Корсакова. Однако из-за оказания содействия постановке оперы своего учителя (Вейсберг была одним из инициаторов реализации постановки), носящей название «Кашей бессмертной», которая была своеобразной реакцией творческой интеллигенции на события 1905 г., Юлия Лазаревна была исключена из Консерватории. Обучение ей удалось завершить лишь в 1912 г., по возвращении в Россию. К 1911 г., на который и приходится момент встречи Вейсберг с Иваном Ильиным, она проживает в Берлине, куда уехала вслед за своим будущим мужем (пианистом Л. Д. Крейцером [16, с. 34–35], который был вторым ее мужем; первый брак был заключен с Г. А. Ландау) еще в 1907 г.

Из писем И. А. Ильина к своей кузине Л. Я. Гуревич известно, что знакомство с Юлией Лазаревной произошло благодаря Любови Яковлевне, которая состояла в дружеской связи с Вейсберг (вероятно, дружба сложилась на фоне революционных событий 1905 г., т. к. Гуревич, будучи театральным критиком, не могла пройти мимо столь необычной оперы, постановка которой, как уже выше упоминалось, состоялась при участии Вейсберг). На момент начала командировки Ильина Гуревич также была в Германии (в своих письмах к сестре Ильин неоднократно просит ее вернуться в Европу или сетует на мимолетность их встречи) и, видимо, имела возможность представить брата своей подруге. Сама же Вейсберг в письме к Любови Яковлевне указывает на данный факт следующим образом: «...ужасно рада, что ты меня с ними свела».

Из этой же переписки становится известно, что во время своего пребывания в Берлине Ильины периодически проводят вечера в семействе Крейцеров [11, с. 37–61], дом которых был открыт для посещения «желанных или нежеланных гостей». Как отмечает М. М. Мазур, Вейсберг, находясь в самом центре авангардных течений немецкого искусства, отнюдь не сочувствовала им, поскольку была консервативна и тяготела к романтизму. Это проявлялось в ее предпочтениях как в области музыки, так и в области поэзии. По свидетельствам однокурсника по Консерватории М. Ф. Гнесина, Юлия Лазаревна сама была склонна к поэтическим формам: «Ей нипочем было сочинить в момент эффектную поэтическую строфу, равно как симпровизировать красивую тему» [8]. Столь разносторонне развитая творческая натура, Вейсберг остро ощущала свое «географическое одиночество» и испытывала потребность в интеллигентном круге, сетуя той же Гуревич на отсутствие среди музыкан-

тов людей с широким кругозором [18, с. 32]. Для Юлии Лазаревны посещение Ильиных было действительно приятным событием, особенно если принимать во внимание то, что Иван Александрович также сугубо негативно относился к авангардным «новшествам» в искусстве [14]. В приведенном нами фрагменте из письма к Гуревич Вейсберг упоминает о том, что И. А. Ильин «прочел свою статью о любезности», обсуждение которой затянулось до поздней ночи, и что данный «стиль» является для нее «крайне отдохновительным». Сам Ильин в письме от 7 февраля/25 января 1911 г., город отправления которого почему-то обозначен как Москва (но де факто нахождение на тот момент Ильина и Вейсберг в Москве было невозможным, а значит, скорее всего, сама Гуревич могла находиться в Москве) к сестре указывает:

Я читал «Любезность» у Ю<лии> Л<азаревны> в присутствии Тали, Ю<лии> Л<азаревны>, Шмуллера, обоих Штильманов, Хессина (случайно) и немножко Леон<ида> Дав<ыдовича>. Их внимание доставило мне несколько приятных минут. Забавно было, когда уже после, за ужином, Шмуллер обозвал меня шутя «самозваной нянькой и воспитательницей», смеялись [11, с. 37–38].

Лица, упомянутые Ильиным — это непосредственно гости Крейцеров, по своей профессиональной принадлежности музыкальные деятели, кроме Штильманов (личности которых остаются нераскрытыми). Леонид Давыдович — муж Юлии Лазаревны, а состривший Шмуллер [27, с. 355–356] — скрипач, компаньон Л. Д. Крейцера, проживавший в его доме. В этом же письме Ильин упоминает о своих отношениях с Вейсберг: «Юлию Лазаревну я “взял в душу”. Она — замечательная, обаятельная. Мечтал бы сохранить с ней отношения навсегда» [11, с. 38]. Действительно, дружеские отношения Ивана Александровича и Юлии Лазаревны сохранялись в течение всего того времени, в которое Ильины пребывали в Европе. Они периодически встречались как в самом Берлине, так и за его пределами. Для философа Вейсберг стала не только связующим звеном между ним и его сестрой Л. Я. Гуревич; человеком, с которым он мог «пояриться» на неустроенность жизненного быта своей кухни, но также и близким другом. Весьма забавным выглядит фрагмент стихотворной переписки Ильина (Иван Александрович также не был чужд стихосложения) и Юлии Лазаревны, присланный последней к Л. Я. Гуревич, который относится, по всей видимости, к первым дням знакомства двух представителей «творческой» интеллигенции.

Однако стоит отметить, что характер Вейсберг был достаточно непростым. В своем исследовании М. М. Мазур указывает на следующую оценку темперамента композитора, которая «...по отзывам современников, представляла собой натуру импульсивную, порывистую, хаотичную, не испытывающую потребности к порядку, не склонную заострять внимание на мелочах ни в жизни, ни в творчестве» [18, с. 16]. Некую черту агрессивности в характере Вейсберг отмечал и сам Иван Александрович, когда писал сестре ответ на ее сомнения, вызванные желанием Ильиных обедать в доме Крейцеров (данные события относятся к началу 1912 г., когда И. А. Ильину удалось остаться в Европе еще на четыре месяца после официального окончания срока командировки для того, чтобы продолжить работу над диссертацией). Л. Я. Гуревич, зная о го-

речности брата и импульсивности своей подруги, была обеспокоена тем, что при ежедневных встречах между Ильиным и Вейсберг могли быть возможны столкновения, «трения» и «переживанья». Однако Иван Александрович, к тому моменту увлеченный идеями психоанализа З. Фрейда и феноменологии Э. Гуссерля [17], достаточно по-философски подходит к анализу причин и следствий эмоциональных всплесков хозяйки дома Крейцеров. Можно даже добавить, что философ, произведя «вскрытие» характера Вейсберг, воспринимал ее поведение и «порядки», царящие в ее доме, по-христиански смиренно, покрывая их любовью:

Я люблю Ю<лию> Л<азаревну> и потому говорю теперь то, что я говорил. В ее отношении к людям слишком преобладает элемент агрессивного воздействия и за этим, основным для нее, свойством в общении — элемент учета, «пассивного» восприятия черт личности, элемент бережно-адекватного понимания и со-образования — может оказаться иногда отодвинутым сильно назад. В этом для нее есть одно большое оправдание: в ее личной жизни, в ее основной судьбе, эта неуравновешенность души, которая есть в то же время *eo ipso* неуравновешенность темперамента, — играет слишком большую и роковую роль. И зная это, любя ее всю, я многое «прощаю» (плохое слово!) ей: от этого рока ее пути трудны и сложны и она сама первая несет на себе его тяжесть. Знаю, впрочем, что это не неисправимо. Но пока... [11, с. 61–62]

Действительно, по свидетельству самого философа, отношения между им и Вейсберг в течение года «возмужали». В одном из писем к сестре он считал необходимым добавить: «Я ни с кем и никогда не был так прям и прост, как с ней» [11, с. 63].

Возвращаясь собственно к фрагменту переписки И. А. Ильина и Ю. Л. Вейсберг, который относится к началу 1911 г., хотелось бы заметить, что на указанный момент времени сам философ был достаточно сильно увлечен идеями психоанализа З. Фрейда, влияние которого непосредственно проглядываются в его работе «О любезности». На сегодня существует несколько работ, содержащих ставший уже вполне «каноничным» анализ [9, с. 33–44; 22] упомянутой работы мыслителя. Однако стоит отметить, что в недавнее время вышла публикация, являющаяся некоей альтернативой существующему анализу и предлагающая иное видение места и роли трактата «О любезности» в творчестве И. А. Ильина [2]. Однако все исследователи, занимающиеся данным вопросом, единогласны в одном — в бесспорном факте влияния идей психоанализа З. Фрейда на построение концепции «общения» русского мыслителя. В частности, на страницах трактата мыслитель делает ссылку на статью Фрейда «Положение о двух принципах психической деятельности» (1911). Именно идея о сочетании принципов удовольствия (приятности) и раздражения (неприятности), изложенная в данной работе венского психоаналитика, будет применена к рассмотрению процесса общения в статье «О любезности». Ценность и значимость идей, изложенных Фрейдом на страницах произведений, затрагивающих вопросы структуры сознания, роли бессознательного в жизни человека и общества, для Ильина заключались в дополнении выстраиваемого им процесса познания иррациональным фактором, влияющим на мысль (которому зачастую

не придавалось должного значения, или же он вовсе исключался многими философами-рационалистами и позитивистами). Вероятно, потребность в столь детальном анализе форм общения была побуждена не просто научным интересом мыслителя, но также, можно предположить, что здесь имела место и личная заинтересованность философа.

Интересным фактом можно назвать то, что в одном из писем к Л. Я. Гуревич, от 8 февраля 1912 г., Ильин упоминает о своей попытке «вегетарианства», которая «вылетела в трубу» [11, с. 64]. Вряд ли философ мог придерживаться практики вегетарианства из соображения поддержать «модное» направление, на тот момент времени охватившее Россию (хотя отец Ильина, А. И. Ильин, принадлежал к толстовцам, однако сын вовсе не разделял соответствующих убеждений). Известно, что практика воздержания от определенного типа пищи есть начальный этап аскетики в таких конфессиях, как христианство и буддизм. Целью же такого самоограничения является желание покорить тело, а вместе с ним и сферу инстинктов (составляющих сферу бессознательного) духу; сделать тело подконтрольным сознанию. Принимая во внимание увлеченность Ильина идеей обновления философского знания, которая была близка к феноменологии Э. Гуссерля (с которым философ лично был знаком и провел с его школой лето 1911 г.), данная попытка аскезы была, по всей вероятности, вызвана желанием достичь должного уровня сосредоточенности для «вскрытия», проникновения в предмет исследования. Однако те очистительные процедуры, о которых Ильин будет упоминать в своих лекциях по возвращении в Россию, необходимые перед процессом погружения в предмет, требуют сосредоточенности всех душевных сил мыслителя, которые попросту могут быть растрчены на неприятное общение, конфликты и т. п. В связи с чем необходимо воспитать в себе сдержанность, что, как нам видится, и пытался осуществить Ильин, предпринимая попытку понять, а не осудить поступки и поведение Ю. Л. Вейсберг. Также в письме к сестре, в котором философ рекомендует тот самый феноменологический метод, он упоминает, что «страшно полезно бывает общение и взаимная проверка у сходно мыслящих» [11, с. 53]. К разряду людей, сходно мыслящих с философом по некоторым вопросам, как нам кажется, можно причислить и Вейсберг.

Как нам видится, вполне уместным является предположение Е. К. Герцык, касающееся наличия некой «надежды» Ильина на эффективность метода Фрейда, что впоследствии привело его к личной встрече с венским ученым [7, с. 177]. Однако метод, исповедуемый Фрейдом, по всей видимости, не убедил мыслителя в своей действенности, но он остался значимым на уровне теории, т. к. Ильин неоднократно использовал его при обличении русских «богоискателей», стремящихся привнести в философию и религию «жизнь пола». Стоит отметить, что Ильин неоднократно на протяжении своей жизни обращался к идеям З. Фрейда в тех или иных работах [12].

Но на рассматриваемом нами этапе Ильин, открывший для себя иррациональную составляющую жизни человека, основанную на фундаменте инстинктов, подавляемых человеком, рекомендует изучать психоанализ и своей кузине, и другим родственникам, а также и Ю. Л. Вейсберг-Крейцер, о чем последняя и упоминает в приведенном нами письме. Стихотворная переписка

двух интеллигентов носит иронически-шуточный характер. Сама Вейсберг развивает тему о роли таланта и его признания в современности. В стихах также обыгрываются идеи и понятия З. Фрейда, что представляет наибольший интерес для исследователей по истории философии. К сожалению, почерк Ю. Л. Вейсберг не всегда удавалось расшифровать с точностью, и некоторые слова воспроизводились исходя из требований контекста.

* * *

**Фрагмент переписки Ю. Л. Вейсберг (Римской-Корсаковой)
с И. А. Ильиным, ноябрь 1911 г., Германия,
из письма к Л. Я. Гуревич [21].**

<...>Твой «Ваня» мне дает Freud'a читать, масса «назидательного», и я теперь приобрела его разные книжки. Пот<ому что> очень заинтересовали меня близостью мне затронутых тем — «К психопатологии повседневных групп»*. С Иваном я в отличных отношениях и ужасно рада, что ты меня с ними свела. И. А. прочел свою статью о любезности — прелестная, тонко-наблюдательная вещь! Но он ужасно горячий в спорах и «петушится». Так что недавно «поругались».

Т. к. он заведомо нелогично говорит — и его жена была тогда на моей стороне, — но кончилось все миром в 1,5 часа ночи: (начало в 5 ч. дня!!!). Как видишь прелестный... стиль завели и крайне для меня отдохновительный. <...>. Да, прилагаю тебе целую стихотворную переписку с И.А., кот.<орая> тебя позабавит: я его просила разузнать до Wertheim'a** (по просьбе Нади) сколько стоит фунт глины и пошлина на нее. Он ответил прилагаемыми стихами, но написанными в строчку. Так что я даже и не заметила впопыхах, что это стихи. Узнав это после, я ему написала стихотворение, он мне и т. д.

Итак, вот они:

1) И. А. *мне* (я пишу их тебе уже не в строчку — а как следует!)

Одно кило пластилина
Стоит марку двадцать пять;
Можно синий, можно красный
По желанию достать.
Сколько пошлины до Вены
Мне узнать не удалось
Я просил, они справлялись —
Неизвестно. (сорвалось!)
Если глина уже в работе
И статуя начата,
То без пошлины посылка
Будет почтою взята
По полтиннику за кило

* Вероятно, Ю. Л. Вейсберг имела ввиду книгу З. Фрейда «Психопатологи повседневной жизни» (Zur Psychopathologie des Alltagslebens), вышедшую в 1904 г.

** Вертхайм (нем. Wertheim) — немецкий город на севере федеральной земли Баден-Вюртемберг, на территории города находится одноименный замок, речной порт.

Обойдется порт Вертхайм*
А затем прошу прощенья
Шлем привет
Я и мадам.

2) Я — И. А. — чу.

Открытку Вашу получив
— И чем-то сильно занятая,
Я не заметила читая
Стихов в ней скрытых перелив.
Лишенный яркого наряда
Крикливо-расчлененных строк
Поток созвучный не привлек
Увы, рассеяного взгляда!
Измят неброскою рукой
Клочек бумаги беспощадно—
И поглощен корзиной градной
По воли прихоти людской.
Теперь от Ваших теплых слов
Узнав ли правду ненароком
Стою в раскаяньи глубоком...
А вывод из сего — таков:
О люди! Заняты собою
Своей лишь преданы мечте —
Как распознать вам в суете
Певца, избранного судьбою?
Без погремушек площадных
И без кричащего убора
От невнимательного взора
Он ускользнет, как скрытый стих.
И, незаметный человеком,
Душой не узнан не единой —
Забвенья вечного корзиной
Он поглощается навеки!

3) И. А. — мне

Я внял привету Музы-Дивы**
Ко мне склонившейся на миг —
И в строк поющих переливы
С благоговением проник
И восхищен воздушным слогом

* Почерк Ю. Л. Вейсберг не всегда можно с точностью разобрать. Нам показалось, что слово «Вертхайм» наиболее точно подходит по рифме и контексту.

** Муза — каждая из девяти сестер-богинь, по др. греч. мифологии покровительствовавших наукам и искусствам (см.: [23, с. 550]).

Дива (ит. божественная) — название, даваемое особенно известным артисткам (см.: [24, с. 296]); Объединяя два данных понятия, вероятно, И. А. Ильин желал подчеркнуть и поэтический дар его собеседницы и ее музыкальные дарования.

И музыкальностью стиха,
Я вновь стою перед порогом
Литературного греха...
Но знаю: тяжкому педанту
Мне не найти подобных слов...
И уступить венец таланту
Я без претензии готов.
Умолкну я... но если снова
Ко мне зефиры* воззовут, —
Я отрекусь от дара слова
И брошу ключ в молчанья пруд.
Тогда пусть Ваша песнь родится
И пусть звучит за нас двоих,
И всё, что духу будет зреться
Пусть передаст, пылая стих...

—
Покорный зову легкой музыки
Пусть запоет души изгиб,
Пусть распадутся снова узы
И сублимируется Trieb (ibid см. Freud'a)**
Опять исторгнет вдохновенье
Словесный взрыв, могучий жерл...***
И в ткань искусного плетенья
Глубокой мысли бросит перл...

4) Я — И. А. — чу

Поток любезностей нежданный
Мне душу тайно усладил...
Но вновь сомнения крокодил (п. с. змей не признак!****)
Ползет и растревляет раны...
Что если Ваша похвала
Не мною вызвана была?
Что, коль для рифмы лишь она

* Зефиры — одно из значений — поэтическое название легкого, ласкающего ветра (см.: [23, с. 333]).

** Влечение (нем. trieb) — по Фрейду, стремление к удовлетворению неосознанной или недостаточно осознанной потребности субъекта, своеобразный первоисточник всякого психического движения и поведения организма, характеризующийся наличием источника энергии (силы), цели и объекта (см.: [20, с. 171]).

*** В данном месте также было сложно разобрать последнее слово строки, в связи с чем слово «жерл» было оставлено как самое подходящее по смыслу и вписывающееся в распознанные буквы.

**** Достаточно интересный выбор рифмы и комментариев Ю. Л. Вейсберг связаны с тем, как толкуются символы змеи и крокодила у З. Фрейда в книге «Толкование сновидений» (1900). Данная работа вместе с трудами «Психопатология обыденной жизни» (1901) и «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905) образуют трилогию, раскрывающую роль бессознательного в обыденной жизни. Крокодил представляет собой хаотичное женское начало, в то время как змея является признаком мужского начала (Подробнее см.: [25, с. 118; 26, с. 96–97; 15, с. 30–37]).

Вам оказалась нужна?
И для созвучности красивой
Я очутилась ... музой-Дивой?!...

Этим наша переписка пока окончилась! Прошу показать ее Гуревичам* и «милому другу»**...

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый А. Между двух революций. — М.: Художественная литература, 1990.
2. Вакулинская А. И. Место и роль трактата «О любезности» в философии И. А. Ильина. Опыт источниковедческого анализа // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. — 2019. — № 1. — С. 20–35.
3. Вишняк М. В. Дань прошлому. — Нью-Йорк: Изд-во им. А. П. Чехова, 1954.
4. Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / сост., вступ. ст., комм. В. И. Кейдана. — М.: Языки русской культуры, 1997.
5. Воспоминания Г. А. Лемана / публ. Е. Ивановой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах: XVIII–XX вв. — Вып. 19. — М.: Студия «ТРИ-ТЭ» Н. Михалкова; Российский фонд культуры: Российский архив, 2010. — С. 601–660.
6. Всемирная энциклопедия: Философия / главн. науч. ред. ред. и сост. А. А. Грицанов. — М.: АСТ; Минск: Харвест — Современный литератор, 2001.
7. Герцык Е. К. Воспоминания: Мемуары, записные книжки, дневники, письма. — М.: Московский рабочий, 1996.
8. Гнесин М. Ф. Статьи, характеристики и др. записи о М. А. Бихтере, Ю. Л. Вейсберг... // РГАЛИ. — Ф. 2954. — Оп.1. — Ед. хр. 125. — Л. 11.
9. Евлампиев И. И. Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. — СПб., 1998. — С. 33–44.
10. Евлампиев И. И. Иван Ильин. Мыслители прошлого. — М.: Наука, 2016.
11. Ильин И. А. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). [Доп. Т. 1]. — М., 1999.
12. Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры // Собр. соч. — М.: Русская книга, 1996. — Т. 6, кн. 2. — С. 530–600.
13. Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. и с биограф. оч. В. А. Томсинова. 2-е изд. — М.: Зерцало, 2008.
14. Ильин И. А. Феноменология произведений искусства // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. — М.: Русская книга, 1999. — [Доп. Т. 2.]: Письма, мемуары (1939–1954). — С. 272–319.

* Данная стихотворная переписка прилагалась к письму Л. Я. Гуревич, кузине И. А. Ильина. Просьба показать эту переписку Гуревичам, т. е. родителям Любове Яковлевны, означала не только хорошие дружеские связи Вейсберг с Гуревич, но и то, что Юлия Лазаревна была в курсе того, как воспринимался Ильин своими родственниками.

** Милый друг — не совсем понятно к кому конкретно таким образом могла обращаться Вейсберг. Однако на момент написания этих строк в семье Юлии Лазаревны уже царило недопонимание, а ближе к 1912 г. произошел бракоразводный процесс с Л. Д. Крейцером. В 1913 г. Юлия Лазаревна вышла замуж за А. Н. Римского-Корсакова, сына известного русского композитора (подробнее см.: [18]).

15. Калинина Н. Ф., Тимощук И. Г. Основы юнгианского анализа сновидений. — М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1996.
16. Крейцер Л. Д. // Музыкальная энциклопедия: в 6 т. — М.: Советская энциклопедия, 1976. — Т. 3. — С. 34–35.
17. Лисица Ю. Т. И. А. Ильин как философ предметных обстоятельств и их духовного смысла. Истоки феноменологии и ее метода // Ильин И. А. Философия как духовное делание: курс лекций. — М.: ПСТГУ, 2013. — С. 7–46.
18. Мазур М. М. Композитор Юлия Вейсберг: личность и творческое наследие: По материалам архивов Санкт-Петербурга: дис. ... канд. искусствоведения. — СПб., 2002. — 137 с.: ил. + Прил.
19. Мазур М. М. К 75-летию со дня смерти Юлии Лазаревны Вейсберг-Римской-Корсаковой // Искусствоведение. — 2017. — № 5 (59). — С. 68–71.
20. Овчаренко В. И. Влечение // Всемирная энциклопедия: Философия / главн. науч. ред. ред. и сост. А. А. Грицанов — М.: АСТ; Минск: Харвест — Современный литератор, 2001.
21. Письма Вейсберг (Римская-Корсакова) Юлии Лазаревны к Л. Я. Гуревич // РГАЛИ. — Ф. 131. — Оп. 1. — Ед. хр. 97. — Л. 35–38.
22. Рожнов В. С. И. А. Ильин о любезности. К исследованию московского периода творчества // Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия. — 2013. — Вып. 3 (47). — С. 77–86.
23. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / сост. А. Н. Чудинов. — СПб., 1894.
24. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / сост. А. Н. Чудинов. 3-е изд. — СПб., 1910.
25. Фрейд З. Толкование сновидений. — М.: Медицина, 1991.
26. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. — М.: Наука, 1991.
27. Шмуллер А. // Музыкальная энциклопедия: в 6 т. — М.: Советская энциклопедия, 1976. — Т. 6. — С. 355–356.
28. Юнггрен М. Иван Ильин и Андрей Белый в 1917 г. / пер. со швед. И. Карлсон // Книгоиздательство «Мусагет»: История. Мифы. Результаты (Исследования и материалы). — М., 2014. — С. 34–43.